

Т. В. БУЛЫГИНА

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ „ИСХОДНОЙ“ И „ПРОИЗВОДНОЙ“ ИНФОРМАЦИИ В ОПИСАНИИ ЛИТОВСКОГО СПРЯЖЕНИЯ

Идеи известной статьи Якобсона (Jakobson 1948), развитые в теории генеративной фонологии, были воплощены в ряде описаний конкретных языков, в том числе — литовского и латышского (Топоров 1966, Halle — Zeps 1966, Heeschen 1968, Kenstowicz 1969, Булыгина 1970, Darden 1970, Robinson 1970, Zeps 1970, Булыгина 1973; близкие теоретические представления прослеживаются также в работах: Girdenis—Žulys 1973, Žulys 1974 а, б, Степанов 1975). Названные работы продемонстрировали с большей или меньшей степенью наглядности перспективность „предиктивного“, или „синтетического“¹, подхода к описанию морфологии современных балтийских языков, по крайней мере — в отношении ее некоторых фрагментов. Вместе с тем целый ряд проблем, связанных с возможностями такого подхода, еще ждет своего решения.

В настоящей статье обсуждаются некоторые вопросы, возникающие при „синтетическом“ описании литовского спряжения, в частности — мотивы выбора той или иной репрезентации глагольной основы (которая может совпадать с одним из реальных основных альтернантов или же иметь условный вид) и непосредственно связанный вопрос об определении основной, включаемой в описание в качестве необходимой, исходной, информации и однозначно выводимой из нее избыточной, или производной, информации.

Языки флективного типа, к которому относятся балтийские языки, обладающие сложной и богато развитой морфологической системой, представляют большой интерес для теории морфологического описания. Неопределенность границ между морфемами, их значительная вариативность, сложный и взаимнонеоднозначный характер соответствий между элементами содержательной и элементами формальной структуры словоформ создают ситуацию неединственности морфологического решения (которая отсутствует, скажем, в агглютинативных языках типа турецкого). Соответственно ис-

¹ Мы предпочитаем говорить вслед за Д. Воротом о противопоставлении „синтетического“ и „аналитического“ описания, соответствующем противопоставлению „генеративного“ и „таксономического“ описания (Worth 1973, 379). Отличие „аналитического“ и „синтетического“ способов описания морфологии состоит, в частности, в том, что при первом подходе заданным материалом являются готовые словоформы (цель лингвиста заключается в членении этих словоформ на составные морфемы и установлении формальных и смысловых отношений между ними), тогда как синтетическое описание „берет как заданный материал не готовые слова или словоформы, а набор абстрактных исходных морфем и набор правил, соединяющих и видоизменяющих эти морфемы таким образом, чтобы после применения всех правил получились подробные фонетические облики всех существующих словоформ; задача лингвиста — найти наиболее эксплицитный и естественный набор исходных единиц и морфонологических правил“ (Worth 1973, 381).

следователь встает перед проблемой выбора оптимального, наиболее эффективного, в наибольшей степени „проникающего в суть дела“ способа описания из нескольких возможных.

Литовское спряжение представляет в этом отношении весьма интересный объект описания. Структура реально наблюдаемых („поверхностных“) форм литовских глаголов характеризуется, на первый взгляд, значительным разнообразием. Если в одних случаях строение формы в плане содержания симметрично ее строению в плане выражения (как, напр., в формах типа 1 praes. pl. *dirbame*, 2 praes. pl. *dirbate*, 3 praes. *dirba*, 1 praet. pl. *dirbome*, 2 praet. pl. *dirbote*, 3 praet. *dirbo*, где естественно считать элементы *-a-* и *-o-* означаемыми морфем настоящего и прошедшего времени), то в других формах той же парадигмы этот параллелизм кажется нарушенным, а в других парадигмах наблюдается иное соотношение презентных и претеритных форм. Косвенным отражением этого неединообразия является различие мнений относительно структуры литовского глагола (так, напр., элементы *-a-*, *-o-*, *-i* в формах типа 3 praes. *dirba*, *saugo*, *myli* одни авторы считают показателями 3-го лица, другие — настоящего времени, третьи — элементами основы).

Особенно пеструю картину (если оставаться на почве „поверхностных“, данных в прямом наблюдении фактов) представляет варьирование глагольных основ: у одних глаголов основа настоящего времени отличается от основы всех прочих форм (напр., 3 praes. *peřka* ~ 3 praet. *piřko*, inf. *piřkti*; *křla* ~ *křlo*, *křlti*; *vřgia* ~ *vřgę*, *vřgti*; *dřřta* ~ *dřřo*, *dřřti* и др.), у других различаются основа простого прошедшего времени и основа всех других словоформ (напр., 3 praet. *gřnę* ~ 3 praes. *gřna*, inf. *gřnti*; *střmę* ~ *střmia*, *střmti*; *gřrę* ~ *gřria*, *gřrti*, а также *bręndo* ~ *bręsta*, *bręsti*; *tręřko* — *tręřřta*, *tręřřti*, *tręřřř* и др.), у третьих совпадающие основы настоящего и простого прошедшего времени обнаруживают отличие от основы, фигурирующей в остальных словоформах (*siuva*, *siuvo* ~ *siřti*; *guja*, *gujo* ~ *guiti*), у четвертых наблюдается внешнее различие между тремя основными альтернантами (*řřva* ~ *řřvo* ~ *řřti*; *lyja* ~ *lyjo* ~ *lyti*; *saugau* ~ *saugojau* ~ *saugoti* и др.)² Это видимое разнообразие является, очевидно, причиной различных взглядов на сущность морфологического противопоставления в глагольном словоизменении: одни исследователи говорят об оппозиции презентных и непрезентных основ, другие — о противопоставлении основ прошедшего и „непрошедшего“ времени, третьи — о необходимости различения (и отдельного перечисления в словаре) трех основ — презентной, претеритной и инфинитивной.

Названные особенности существенно затемняют внутреннюю логику глубинной организации литовского глагола. Оказывается, что, ограничиваясь описанием реально наблюдаемых словоформ, можно в лучшем случае предложить чисто констатирующую классификацию глаголов, выделяющую множество изолированных „классов“ с индивидуальными словоизменительными особенностями, каждый из которых не обладает какими-либо свойствами, общими для всех членов класса и только для них.

² Природа всех этих различий, разумеется, неодинакова: одни из них не могут быть описаны иначе как в морфологических терминах, другие являются всего лишь автоматическим следствием каких-то иных различий. Однако реальные формы не всегда дают возможность провести последовательное разграничение между этими типами различий.

формам целой серии морфонологических правил, „окупается“ только в случае системной мотивированности этих последних. Об этом принципе напоминают В. Амбразас, Н. Слижене и А. Валецкене, которые, обсуждая возможность уменьшить число личных окончаний путем их отделения от временных и модальных показателей, справедливо указывают на необходимость „хорошенько взвесить, окажется ли предлагаемый принцип достаточно универсальным и будет ли он способствовать более экономному описанию и лучшему объяснению всей системы глагольных форм“ (Ambrasas et al. 1974, 183). Принятие единого набора глагольных аффиксов, позволяющее устранить из описания многочисленные синонимичные и омонимичные морфемы (вроде *-u*, *-au*, *-iu*; *-ate*, *-ote*, *-ime*; *-o*, *-ė*, *-ojo*, *-ėjo*; *-ant*, *-int*, и мн. под. или $-au_1 = 1$ наст. ед., $-au_2 = 1$ прош. ед.; $-i_1 = 2$ наст. ед., $-i_2 = 3$ наст. ед. и мн. под.) можно, как кажется, считать оправданным с этой точки зрения. Оно может быть обосновано именно тем, что предполагаемые им правила преобразования условных словоформ носят достаточно общий характер, т.е. не формулируются специально для каждого конкретного случая в отдельности. Так, например, деривация форм 1- и 2-го лица ед. числа наст. и прош. времени не требует при соответствующем способе описания множества никак не связанных одно с другим правил (как, кажется, полагают авторы только что цитированной статьи⁵): речь идет об одном общем правиле, сокращающем на одну ступень гласные перед вокалическими окончаниями. Аналогичные преобразования необходимы и для деривации других глагольных форм (напр., 1- и 2-го лица будущего и прош. многокр. времени — так, *dirbti* 1 ед. буд. $\rightarrow dirb + si + u \rightarrow dirb + s' + u \rightarrow dirbs'u$, орф. *dirbsiu*; *dirbti* 1 ед. прош. многокр. $\rightarrow dirb + davo + u \rightarrow dirbdavau$ и т.п.).

Заметим, что соответствующее правило, которое в Булыгина 1970 фигурировало в расчлененном виде, как два отдельных, хотя и родственных, подправила ($\check{V}_1 + V_2 \rightarrow V_2$; $\bar{V}_1 + V_2 \rightarrow \check{V}_1 V_2$), может получить и более общую формулировку $V \rightarrow \emptyset / \rightarrow V$ при условии представления *o* в виде *aa*, а *ė* в виде *ee*. При всей фонетической условности равенств $o = aa$, $ė = ee$, есть основания считать *a* кратким (морфонологическим) коррелятом *o*, а *e* — кратким коррелятом *ė* ввиду пропорциональности (или так называемой морфонологической соотносительности) чередований $a : o = e : \acute{e} = i : y = u : \ddot{u}$ (ср. хотя бы отношения *vagia* : *vogė* = *slepia* : *slėpė* = *giria* : *gyrė* = *tupia* : *tųpė* или — за пределами глагольного словоизменения — *kojos* : *kojas* = *dulkės* : *dulkes* = *rūšys* : *rūšis* = *sūnūs* : *sūnus* и т.п.) — о мотивированности условного представления *o* (= \bar{a}) в виде *aa* см. еще, например, Степанов 1972, 181.

Впрочем, „non-ad-hoc-ность“ преобразований типа $o \rightarrow a$, $ė \rightarrow e$ перед личными окончаниями 1- и 2-го лица ед. ч. (*u*, *i*) можно обосновать и не прибе-

⁵ Ср. следующие замечания: „...производя формы 1- и 2-го лица ед. числа наст. времени изъявительного наклонения было бы необходимо (если стремиться к минимизации числа личных окончаний — Т.Б.) выполнить следующие преобразования основных гласных: устранение (*i*)*a* (I спряжение), устранение *i* (II спряжение), $o \rightarrow a$ (III спряжение). Еще более сложным было бы образование форм 1- и 2-го лица ед. числа прош. времени, так как здесь окончания *-u*, *-i* нужно было бы выделять из дифтонгов, а первый элемент этих дифтонгов объяснять в соответствии с правилами $\acute{e} \rightarrow ia/e$ или $o \rightarrow a$ (Ambrasas et al. 1974, 183).

формам целой серии морфонологических правил, „окупается“ только в случае системной мотивированности этих последних. Об этом принципе напоминают В. Амбразас, Н. Слижене и А. Валецкене, которые, обсуждая возможность уменьшить число личных окончаний путем их отделения от временных и модальных показателей, справедливо указывают на необходимость „хорошенько взвесить, окажется ли предлагаемый принцип достаточно универсальным и будет ли он способствовать более экономному описанию и лучшему объяснению всей системы глагольных форм“ (Ambranzas et al. 1974, 183). Принятие единого набора глагольных аффиксов, позволяющее устранить из описания многочисленные синонимичные и омонимичные морфемы (вроде *-u*, *-au*, *-iu*; *-ate*, *-ote*, *-ime*; *-o*, *-ė*, *-ojo*, *-ėjo*; *-ant*, *-int*, и мн. под. или $-au_1 = 1$ наст. ед., $-au_2 = 1$ прош. ед.; $-i_1 = 2$ наст. ед., $-i_2 = 3$ наст. ед. и мн. под.) можно, как кажется, считать оправданным с этой точки зрения. Оно может быть обосновано именно тем, что предполагаемые им правила преобразования условных словоформ носят достаточно общий характер, т.е. не формулируются специально для каждого конкретного случая в отдельности. Так, например, деривация форм 1- и 2-го лица ед. числа наст. и прош. времени не требует при соответствующем способе описания множества никак не связанных одно с другим правил (как, кажется, полагают авторы только что цитированной статьи⁵): речь идет об одном общем правиле, сокращающем на одну ступень гласные перед вокалическими окончаниями. Аналогичные преобразования необходимы и для деривации других глагольных форм (напр., 1- и 2-го лица будущего и прош. многокр. времени — так, *dirbti* 1 ед. буд. $\rightarrow dirb + si + u \rightarrow dirb + s' + u \rightarrow dirbs'u$, орф. *dirbsiu*; *dirbti* 1 ед. прош. многокр. $\rightarrow dirb + davo + u \rightarrow dirbdavau$ и т.п.).

Заметим, что соответствующее правило, которое в Булыгина 1970 фигурировало в расчлененном виде, как два отдельных, хотя и родственных, подправила ($\check{V}_1 + V_2 \rightarrow V_2$; $\check{V}_1 + V_2 \rightarrow \check{V}_1 V_2$), может получить и более общую формулировку $V \rightarrow \emptyset / \rightarrow V$ при условии представления *o* в виде *aa*, а *ė* в виде *ee*. При всей фонетической условности равенств $o = aa$, $ė = ee$, есть основания считать *a* кратким (морфонологическим) коррелятом *o*, а *e* — кратким коррелятом *ė* ввиду пропорциональности (или так называемой морфонологической соотносительности) чередований $a : o = e : ė = i : y = u : ū$ (ср. хотя бы отношения *vagia : vogė = slepia : slėpė = giria : gyrė = tupia : tūpė* или — за пределами глагольного словоизменения — *kojos : kojas = dulkės : dulkes = rūšys : rūšis = sūnūs : sūnus* и т.п.) — о мотивированности условного представления *o* (= *ā*) в виде *aa* см. еще, например, Степанов 1972, 181.

Впрочем, „non-ad-hoc-ность“ преобразований типа $o \rightarrow a$, $ė \rightarrow e$ перед личными окончаниями 1- и 2-го лица ед. ч. (*u*, *i*) можно обосновать и не прибе-

⁵ Ср. следующие замечания: „...производя формы 1- и 2-го лица ед. числа наст. времени изъявительного наклонения было бы необходимо (если стремиться к минимизации числа личных окончаний — Т.Б.) выполнить следующие преобразования основных гласных: устранение (*i*)*a* (I спряжение), устранение *i* (II спряжение), $o \rightarrow a$ (III спряжение). Еще более сложным было бы образование форм 1- и 2-го лица ед. числа прош. времени, так как здесь окончания *-u*, *-i* нужно было бы выделять из дифтонгов, а первый элемент этих дифтонгов объяснять в соответствии с правилами $ė \rightarrow ia/ie$ или $o \rightarrow a$ (Ambranzas et al. 1974, 183).

гая к условным представлениям $o=aa$, $\acute{e}=ee$, подведя эти преобразования под общее правило $\bar{V} \rightarrow \check{V} / \rightarrow R \parallel$, где R символизирует лингвистически естественный класс сонантов \underline{u} (v), \dot{i} (j), r , l , m , n , а $/$ — слогораздел⁶.

Системная мотивированность правила $\bar{V} \rightarrow \check{V} / \rightarrow R \parallel$ ⁷ оправдывает и устранение из описания „алломорфов“ морфемы активной причастности *-ant*, *-int*⁸. Заметим, что дополнительные преобразования, необходимые для объяснения форм им. п.ед.ч. *einąs*, *tylįs*, *rašąs*, на которые обращают внимание В. Амбразас, Н. Слижене и А. Валецкене (1974, 183), едва ли ставят под сомнение целесообразность деривации активных причастных форм наст. времени при помощи единого суффикса *-nt-*: ведь правила (1) ассибиляции дентальных, (2) удлинения гласных перед nSC , (3) устранения n перед SC , (4) дегеминации, требующиеся для выведения данных форм из соответствующих условных представлений (напр., *saugo + o + nt + s* → *saugonts* → *saugants* → *sau-ganss* → *sauganss* → *saugąss* → *saugąs*) имеют и совершенно независимое от данного случая морфонологическое обоснование. Так, 1- и 4-е правила нужны, например, для объяснения форм глаголов *kirsti*, *krimsti*; *rasti*, *gesti* (*genda*, *gedo*); 4-е — для описания глаголов вроде *lysti*, *vęsti*; 2-е — 4-е — для объяснения глаголов типа *gesti* (*gęsta*, *geso*), *grysti*; *driksti*, *rigzti*, а также (2-е и 3-е) внеглагольного словоизменения, ср. реализацию префикса *san-*: *sąskaita*, *sąskambis*; 1-е — 4-е — для объяснения глаголов типа *bręsti*, *skęsti*, а также *kąsti*, *zįsti*, *lįsti* и т.п. (ср. соответствующие комментарии в LKG 1971, §§ 298, 300, 305, 308, 312, 317, 326). Поэтому предиктивный способ описания этих форм не противоречит справедливому тезису, согласно которому преобразования такого рода „имеют смысл только тогда, когда они действительны не для одного — двух случаев (ad hoc), а для системы в целом“ (Ambrazas — Sližienė — Valeckienė 1974, 183).

Требование лингвистической естественности и системной мотивированности устанавливаемых правил должно, очевидно, соблюдаться и при описании альтернатив глагольной основы. Как говорилось выше, синтетический подход дает возможность исходить при описании из единственного для каждого глагола абстрактного представления основы (играющего роль основной, задаваемой заранее, информации), которое однозначно предсказывает все

⁶ Об общем характере правила, запрещающего (кроме специальных случаев вроде *tolti*, *šęlti*) таутосиллабические сочетания долгих гласных с сонантами, см. Булыгина 1970, 59, сн. 57. В связи с возможностью трактовать преобразование $o \rightarrow a$ перед \underline{u} , \dot{i} как частное проявление этого общего правила см. Girdenis — Žulys 1975, 230. Предлагаемая этими авторами трактовка представляется вполне оправданной ввиду несомненной принадлежности \dot{i} (j) и \underline{u} (v), с одной стороны, и сонорных r , l , m , n , с другой, к одному морфонологическому классу — ср., например, условия устранения n (см. ниже, с. 50) или правило $eR(C) \rightarrow iR(C)$ в непрезентных формах, объединяющее глагол *vyti* (исходная основа *vej-*) с глаголами типа *ginti*, *vilkti*, *kimšti*, *kirpti* и т.п. (исх. основы *gen-*, *velk-*, *kemš-*, *kerp-*).

⁷ Данное правило упрощает (делает более общим) описание глагольного словоизменения в целом ряде случаев. Так, в частности, учет его действия позволяет сформулировать в максимально общей форме правило удлинения корневых гласных в непрезентных формах глаголов с исходной основой на мягкие согласные — см. ниже, с. 50—52.

⁸ О не-идиосинкратичности преобразований типа *saugont* → *saugant*, см. справедливые замечания в Girdenis — Žulys 1973, 205. (ср. также Булыгина 1972, 19).

особенности спряжения соответствующего глагола (получающие статус производной информации). При выборе этого исходного представления естественно руководствоваться соображениями простоты и экономности описания, имея при этом в виду, что само стремление к максимальной экономности (хотя и полной эксплицитности) описания (достигаемое путем устранения избыточной информации) оправдано постольку, поскольку обнаружение производного характера некоторой информации, т.е. ее выводимости из информации другого рода, есть не что иное, как обнаружение лингвистически значимых связей, или установление (не всегда непосредственно очевидных) зависимостей между в действительности связанными фактами.

Разграничение необходимой (основной) и избыточной (производной) информации и, соответственно, выбор определенного (реального или условного) альтернанта в качестве исходной, наиболее информативной основы далеко не всегда представляет собой тривиальную задачу. В наиболее простых случаях эта задача может быть сведена к определению сильной и слабой морфонологических позиций (т.е. позиции сохранения и позиции нейтрализации соответствующих противопоставлений). Так, например, из двух альтернантов основы глаголов типа *laukti* исходным естественно считать предвокалический альтернант с мягкой согласной, поскольку в позиции перед гласной возможно противопоставление мягких и твердых закрытых основ (*laukiu : augu, laukiau : augau* и т.д.), тогда как в предконсонантном положении оно нейтрализуется (*laukdavo : augdavo* и т.д.). Понятно, что независимые, позиционно не вынужденные характеристики основы (в данном случае — мягкость конечной согласной) должны считаться ее ингерентными свойствами, и именно они способны однозначно предсказать позиционно обусловленные свойства других альтернантов (в данном случае — твердость конечной согласной), тогда как обратное неверно. Позиция перед гласными является сильной и, например, для последовательностей типа *SK*, что заставляет считать предвокалический альтернант исходной основой и для глаголов с метатезой (в имеющихся описаниях встречается и противоположное решение, препятствующее обнаружению каких-либо закономерностей данного чередования).

В других случаях (в том числе и в тех, когда позиционный характер варьирования глагольной основы является интуитивно очевидным) направление наблюдаемого чередования оказывается не столь ясным. Так, например, альтернация основы по открытости / закрытости в формах таких глаголов, как *siūti, siuva, siuvo; lyti, lyja, lijo; gūti, guja, gujo; džiūti, džiūsta, džiuvo*, а также *sėti, auklėti, liudyti, galvoti, saugoti, kalbėti, mylėti* и под., может быть описана несколькими, на первый взгляд, равноправными, правилами.

1) Можно, например, считать исходной основой основу на гласную и формулировать правило вставления *j* или *v* перед вокалическими окончаниями (так, в частности, поступают авторы Академической грамматики литовского языка). 2) Можно, напротив, исходить из закрытых основ, оканчивающихся на *j*, *v*, и считать, что перед консонантными окончаниями эти *j* и *v* устраняются. 3) Можно репрезентировать исходные основы глаголов типа *siūti* или *lyti* в виде *s'uu* и *lii-* и постулировать правило консонантизации гласных в предвокалическом положении (так поступает, например, Кенстович). 4) Можно, наконец, считать исходной закрытую основу (*siuv-*, *lij-* и т.д.) и выводить

реальные формы в соответствии с правилом вокализации *v* и *j* перед согласными.

Учет всей совокупности фактов показывает, что все эти способы описания не являются вполне эквивалентными и что целесообразно подходить к объяснению основных альтернатив в глаголах разных типов дифференцированно. Так, для таких глаголов, как *siūti*, *žūti*, *džiūti*, *lyti*, *duiti*, *guiti*; *sėti*, *ploti*; *auklėti*, *galvoti*, *liudyti*, уместно избрать соответственно второй и четвертый способы описания, т.е. исходить из закрытости основ (*lij-*, *sėj-*, *guj-*, *auklėj-*, *galvoj-*, *liudij-*, *žuv-*, *siuv-*, *džiūv-* и т.п.) и формулировать правила, по которым в предконсонантной позиции *j* и *v* вокализуются, если они следуют за *i* или *u*, и устраняются в других окружениях (1) $\begin{matrix} j \rightarrow i \\ v \rightarrow u \end{matrix} \left\{ \begin{matrix} i \\ u \end{matrix} \right\} - C$, 2) $j \rightarrow \emptyset / - C$)⁹. Именно этот способ объясняет естественным образом не только распределение открытого и закрытого вариантов основы, но и долготу и краткость конечных основных гласных (*s'uv + ti* → *s'uu + ti*, орф. *siūti*, но *s'uv + a + ∅* → *s'uva*, орф. *siuva*; *lij-ti* — *liity*, орф. *lyti*, но *lij + o + ∅* → *lijo*¹⁰ и т.д.). Объяснение при помощи правила „сокращения“ исходно долгих гласных перед „вставными“ *j* и *v* в Академической грамматике литовского языка (LKG 1971, 220, 225, 261) менее удачно, так как сокращение наблюдается не во всех случаях предполагаемой „вставки“ *j* или *v* и поэтому не может претендовать на роль правила. Данному объяснению противоречат формы простого прошедшего времени глагола *džiūti* (так, наряду с *džiuvo*, возможно *džiūvo* — из **džiū-o*? и т.д.), не говоря уже о том, что точная формулировка соответствующего правила потребовала бы эксплицитного исключения из него форм с предполагаемым носовым инфиксом (ср. формы настоящего времени с долгими гласными перед *j* и *v*: *lyja*, *dūja*, *žūva*), а также и форм типа *sėja* (не **seja*) *sėjo*; *ploja*, *plojo*; *mazgoja*, *mazgojo* и т.п.

Менее адекватным по сравнению с правилом вокализации конечных элементов исходных закрытых основ (*lij*, *gij-*, *guj-*, *duj-*, *puv-*, *žuv-* и т.п.) кажется и предлагаемое в Heeschen 1968, 211 и Kenstowicz 1969, 43 правило консонантизации конечных элементов исходных открытых основ (*lii-*, *puu-* и т.п.). Неясно, в частности, как из подобных исходных представлений могут быть выведены презентные формы с долгой гласной (*lyja*, *dūja*, *pūva*, *žūva* и т.п.)¹¹. Напротив, постулирование закрытых исходных основ глаголов рассматриваемого типа делает естественным предположение о глубинном наличии носового инфикса в презентных формах и позволяет подвести поверхностные реализации *lyja*, *dūja*, *žūva* и т.п. под общее (фонологическое) правило устранения *-n-* (и заместительного удлинения предшествующей гласной) перед лингвистически естественным классом неслоговых сонантов *l*, *r*, *m*, *n*, *i* (*j*), *u* (*v*) (а также сибилантов *s*, *z*, *š*, *ž*)¹² — ср. формы 3 л. наст. вр. *li-n-j + a + ∅* →

⁹ Таким образом, различие предконсонантных альтернантов основы глаголов *guiti*, *duiti*, с одной стороны, и *sėti* (не **seiti*), *ploti* — с другой, объясняется различием предшествующих исходному *j* гласных.

¹⁰ О долготе гласного в презентных формах (*lyja* и т.п.) см. ниже.

¹¹ В работах Хеешена и Кенстовича деривация презентных форм глаголов с данной особенностью не рассматривается.

¹² Это правило не ограничивается рамками глагольного словоизменения — ср. устранение *n* из префикса *san-* перед корнями, начинающимися с того же самого множества со-

līja (*lyja*), *du-n-j+a+ø*→*dūja*, *žu-n-v+a+ø*→*žūva*, как *ki-n-l+a+ø*→*kīla* (*kyla*), *ba-n-l+a+ø*→*bāla* (*baļa*), *bju-n-r+a+ø*→*bjūra* (*biūra*), *dve-n-r+a+ø*→*dvēra* (*dveŗa*) и т.п.¹³.

С другой стороны, выбор закрытого альтернанта в качестве исходной основы глаголов, удерживающих *j* (*v*) во всех формах, кроме тех, в которых основа сочетается с консонантными окончаниями, позволяет уже на уровне словарного представления отличить глаголы типа *galvoti*, *mažėti*, *rūdyti* от глаголов типа *ieškoti*, *mylėti*, в которых *j* фигурирует только в формах прошедшего времени. Для этих последних глаголов предпочтительным оказывается первый из упомянутых выше способов описания (а именно выбор в качестве исходной основы открытого альтернанта и формулировка правила вставки *j* перед вокалическими окончаниями). Различное исходное представление основ (*galvoj-*, *mažėj-*, *rūdij-*, но *ieško-*, *myli-*, *kalbė-*), не препятствуя порождению однотипных непрезентных форм (напр., „*galvoti*“ $\xrightarrow{1 \text{ praet. sing.}}$ *galvoj* + {praet.} + {1 sing.} → *galvoj* + *o* + *u* → *galvojau*, „*ieškoti*“ $\xrightarrow{1 \text{ praet. sg.}}$ *ieško* + {praet.} + {1 sg.} → *ieško* + *o* + *u* → *ieškojau* и т.п. — см. сноску 4), дает возможность сформулировать правило выбора различных алломорфов морфемы настоящего времени (нулевого для открытых основ и *-a-* для закрытых) и, таким образом, отнести разнотипность соответствующих презентных форм на счет (предсказуемого) различия в их глубинно-фонологической структуре (напр., „*galvoti*“ $\xrightarrow{3 \text{ praes.}}$ *galvoj* + {praes.} + {3} → *galvoj* + *a* + *ø* → *galvoja*, но „*ieškoti*“ $\xrightarrow{3 \text{ praes.}}$ *ieško* + {praes.} + {3} → *ieško* + *ø* + *ø* → *ieško*; „*rūdyti*“ $\xrightarrow{3 \text{ praes.}}$ *rūdij* + {praes.} + {3} → *rūdij* + *a* + *ø* → *rūdija*, но „*mylėti*“ $\xrightarrow{3 \text{ praes.}}$ *myli* + {praes.} + {3} → *myli* + *ø* + *ø* → *myli*; „*mažėti*“ $\xrightarrow{3 \text{ praes.}}$ *mažėj* + {praes.} + {3} → *mažėj* + *a* + *ø* → *mažėja*, но „*kalbėti*“ $\xrightarrow{3 \text{ praes.}}$ *kalbė* + {praes.} + {3} → (по правилу *ė* → *a* в презентных формах) → *kalba* + *ø* + *ø* → *kalba*¹⁴.

гласных *j*, *v*, *l*, *m*, *n*, *r*, (и *s*, *z*, *š*, *ž*): *sq-jūdis*, *sq-valdus*, *sq-lyga*, *sq-raiša*, *sq-mazga*, *sq-našos* при *san-graža*, *san-dauga*, *san-taka*, *sam-balsis*, *sam-plovos*. (Следует заметить, что глаголы с основой на *-n*, обнаруживающие удлинение гласной в презентных формах, в литовском языке не представлены. Включение *-n-* в список конечных основных элементов, вызывающих устранение носового инфикса и заместительное удлинение, позволяет, однако, сформулировать соответствующее правило в максимально общей форме.)

¹³ Ср. LKG 1971, где долгота гласных в презентных формах рассматриваемых глаголов также объясняется исконным наличием носового инфикса. Это предположение едва ли совместимо, однако, с принимаемыми во II томе Грамматики основами на долгие гласные *-ū*, *-u* (поскольку нормальной структурой основ с носовым инфиксом является в литовском структура типа *CV̄-n-C*). Более удачно, с этой точки зрения, выведение форм *gyja*, *lyja*, *ryja* и т.п. из **ginja*, **linja*, **rinja* и т.п. в I томе Грамматики (LKG 1965, 50). Заметим еще, что принятие закрытых основ рассматриваемых глаголов устраняет кажущееся отклонение в строении форм глагола *džiūti*, выражающееся в том, что формант *-st-* здесь „следует непосредственно за гласным“ (LKG 1971, 227): соседство с гласным является здесь только фактом поверхностной реализации правильной структуры *-C-st*, ср. „*džiūti*“ $\xrightarrow{3 \text{ praes.}}$ *džiūv-st* + *a* + *ø* → *džiūu* + *st* + *a* + *ø* → *džiūsta* и т.п. (таким образом презентные формы глагола *džiūti* нарушают общую морфологическую закономерность, по которой суффикс *-st-* сочетается с основами на согласный, не в большей степени, чем, скажем, формы *liūsta* (← *liūd* + *st* + *a* + *ø*), *bręsta* (← *brend* + *st* + *a* + *ø*), *drįsta* (← *drins* + *st* + *a* + *ø*), *gysta* (← *gyd* + *st* + *a* + *ø*) и т.п., в которых *-st-* следует за гласным лишь на поверхностном уровне).

¹⁴ Исходной основой глаголов вроде *kalbėti* считается непрезентный альтернант *kalbė-*, а не презентный *kalba-*, так как это позволяет отличить глаголы данного типа от глаголов типа *giedoti* (исходная основа *gieda-*, преобразуемая в непрезентный альтернант *giedo-*; этот последний выбор определяется необходимостью отличить исходное представление

Интересно обратить внимание на то, что адекватный выбор наиболее информативной исходной основы для описания фонологически обусловленного варьирования оказывается одновременно способным предсказать альтернации, обусловленные морфологически. Так, мы упоминали, что в том случае, если в парадигме глагола перед вокалическими окончаниями фигурирует мягкая основа, а перед консонантными — твердая, естественно считать исходной основой именно мягкий альтернант. При этом оказывается, что мягкость исходной основы не только однозначно определяет распределение твердых и мягких альтернантов основы, но и является однозначным симптомом других особенностей варьирования глагольной основы, в частности — морфологической альтернации по долготе / краткости корневой гласной. Так, можно сформулировать правило, по которому мягкие основы с кратким гласным обнаруживают удлинение в непрезентных формах¹⁵ (тогда как твердые основы не подлежат действию этого правила). В результате оказывается возможным, описывая спряжение глаголов типа *vogti*, *lėkti*, *tūpti* (исх. основы *vagj-*, *lekj-*, *tupj-*), обойтись без индивидуальных словарных указаний относительно краткости гласных в презентных и долготы в непрезентных формах и без того, чтобы задавать соответствующие глаголы списком¹⁶.

Следует признать, что в случаях подобного рода лингвистическая реальность связи между фонологической структурой основы и определенными особенностями глагольного словоизменения не столь несомненна, как в упоминавшихся выше случаях типа устранения зияния и т.п. Неясно, можно ли считать „действительно существующей“, а не только способствующей экономности описания зависимость между мягкостью основы и удлинением гласной в непрезентных формах¹⁷ или, скажем, между вокализмом основы и смяг-

глаголов типа *giedoti* от глаголов типа *ieškoti*, *saugoti* и т.п. с основами *ieško-*, *saugo-* и т.п.) — см. сноску 4 (а также Булыгина 1970).

¹⁵ Речь идет о соотношениях $a \sim o$, $e \sim \bar{e}$, $u \sim \bar{u}$, $i \sim y$, наблюдаемых в глаголах типа *vogti*, *vagia*, *vogė*; *drėbti*, *drebia*, *drėbė*; *tūpti*, *tupia*, *tūpė*. Позиционная долгота кратких по природе гласных a и e в ударном положении (*vāgia*, *drēbia* и т.п.) на рассматриваемом уровне представления может временно не приниматься во внимание.

¹⁶ Заметим, что правило $\check{V} \rightarrow \bar{V} / -Cj + [\text{non-praes}]$, описывающее удлинение корневых гласных в непрезентных формах глаголов с исходной основой соответствующей фонологической структуры $((C)C\check{V}CJ)$, носит общий характер. Ему подчиняются не только глаголы с основой на мягкие шумные, но и глаголы с исходной закрытой основой на мягкие сонорные: *karia* ~ *korė*, *semia* ~ *sėmė*, *gilia* ~ *gylė*, *tiria* ~ *tyrė*, *buria* ~ *būrė*, *kulia* ~ *kūlė*, *stumia* ~ *stūmė* (исходные основы *karj-*, *semj-*, *gilj-*, *tirj-*, *burj-*, *kulj-*; *stumj-*), непрезентные формы *karti*, *kardavo*, *semti*, *sems*, *gilti*, *tirti*, *burti*, *kulti*, *stumti* не нарушают сформулированной закономерности, поскольку краткость гласных можно считать результатом вторичного сокращения, обусловленного действием правила $\bar{V} \rightarrow \check{V} / -R \parallel$ (ср. с. 48). По той же причине действию правила $\check{V} \rightarrow \bar{V} / -Cj + [\text{non-praes.}]$ не подлежат глаголы с исходной основой структуры $(C)C\check{V}Rj-$ (т.е. с закрытой основой, в которой краткая гласная предшествует сочетанию сонанта с мягкой согласной) типа *dengti* (основа *dengj-*), *kešti* (из *kentj+ti*), *dulkti* (основа *dulkj-*), *grįsti* (*grindj+ti*) и т.п.: удлинение в непрезентных формах, которое давало бы неправильные формы **dėngė*, **kėntė*, **dūlkė*, **gryndė* и т.п., заблокировано общемонологическим правилом, запрещающим сочетания $\bar{V}RC$.

¹⁷ Возможно, что не случайно, а именно по принципиальным соображениям связи такого рода в генеративных описаниях литовского языка обычно не учитываются. Так, напр., Кенстович говорит о необходимости специальной словарной пометы, указывающей на удлинение непрезентной основы глаголов типа *tūpti*: (“To account for the lengthening

чением согласных в непрезентных формах, как в глаголах типа *bara ~ barè*, *kala ~ kalè*, *plaka ~ plakè*, *dega ~ degè*, *meta ~ metè*, *veža ~ vežè* и под.?

В последнем случае обращает на себя внимание наличие краткой недиффузной гласной (*a* или *e*) в основе подавляющего большинства глаголов данного типа, а также факт отсутствия основ подобной фонологической структуры (исключая те, которые оканчиваются на сочетания сонанта с согласной или группой согласных) среди глаголов с другим соотношением презентного и непрезентного альтернантов.

Это позволяет сформулировать правило смягчения конечной основной согласной в непрезентных формах глаголов с исходной основой соответствующей фонологической структуры (т.е. $C\check{V}(C)C-$, где $\check{V}=a, e$, а $CC \neq RC$ ¹⁸). Так, *plakti* 3 прош. → *plak* + {прош.} + {3л} → *plak* + *o* + \emptyset → *plakj* + *o* + \emptyset → *plakè*; *mesti* 2 ед. прош. → *met* + {прош.} + {2 ед.} → *met* + *o* + *i* → *metj* + *o* + *i* → *metè* + *i* → *metei* и т.п.

Очевидно, что правила такого рода содержательно отличны от собственно фонологических правил, а также от некоторых формально аналогичных правил, описывающих морфологически обусловленное варьирование основ (например, правила, преобразующего исходные основы *myli-* и *gieda-* в непрезентный альтернант *mylè-* и *giedo-*).

Такие правила нередко обнаруживают исключения (правда, обычно немногочисленные). Так, правилу $\check{V} \rightarrow \bar{V} | - Cj + [\text{non-praes.}]$, описывающему удлинение гласных ($a \rightarrow o$, $e \rightarrow è$, $u \rightarrow \bar{u}$, $i \rightarrow y$) исходных закрытых основ на мягкие согласные в непрезентных формах, не подчиняются глаголы *tarti* и *arti* (*aria*, *arè*; *taria*, *tarè*, а не **orè*, **torè* — впрочем, ср. диал. *orè*). Правило смягчения основ с гласными *a*, *e* не учитывает глаголов *mušti*, *pulti*, *gulti*, *pilti*, обнаруживающих смягчение в непрезентных формах вопреки тому, что содержат диффузные гласные *u*, *i*.

In non-present forms it is necessary to mark these roots in the lexicon as undergoing a minor rule of lengthening in the non-present" (Kenstowicz 1969, 50). Заметим, что при этом автор, характеризуя фонологическую структуру соответствующих основ, упускает, однако, из виду ингерентную мягкость их конечных согласных — т.е. наиболее существенную для данного случая особенность.

¹⁸ Данное ограничение исключает из сферы действия соответствующего правила такие глаголы, как, например, *kasti* (исходная основа *kand-*), а также глаголы с носовым инфиксом и с суффиксом *-st-*, напр., *akti*, *gesti*, *stebti* с исходными основами *ank-*, *gend-*, *stemb-*; *balti*, *gverti* с исходными основами *banl-*, *gvenr-*; *mažti*, *gesti* с исходными основами *manž-st-*, *gen-s-st-*; *senti*, *temti* с исходными основами *sen-st*, *tem-st-* и т.п.), так что формы прошедшего времени, в которых фигурирует твердая основа (*kando*; *ako*, *gedo*, *stebo*; *balo*, *gvero*; *mažo*, *geso*; *seno*, *temo* и т.п.), не представляют собой контрпримеры к установленной закономерности. С другой стороны глаголы *minti*, *ginti* подлежат действию данного правила, так как их исходные основы включают *e*. Так, *ginti* 3 прош. → *gen* + {прош.} + {3 л} → *gen* + *o* + \emptyset → *genj* + *o* + \emptyset → *ginj* + *o* + \emptyset → *ginè*. Заметим, что представление *gen-*, предсказывающее смягчение непрезентной основы (*ginè*), одновременно отличает глагол *ginti* (*gena*, *ginè*) от омографичного в части форм глагола *ginti* (*gina*, *gynè*), исходной основой которого является мягкий альтернант *ginj-*, предсказывающий удлинение гласной в непрезентных формах: *ginti* 3 прош. → *ginj* + {прош.} + {3 л} → *ginj* + *o* + \emptyset → *gynj* + *o* + \emptyset → *gynè* (что касается отвердения исходной основы *ginj-* в презентных формах — 3 наст. → *gina* и т.п. — и мены $e \rightarrow i$ в непрезентных формах глагола с основой *gen-* (3 прош. → *ginè*), то эти преобразования описываются другими правилами, имеющими общий характер — см. правила G II 4 и G II 6 в Булыгина 1970).

Кроме того, независимо от наличия исключений может вызывать сомнения лингвистическая естественность соответствующих преобразований. Так, требует лингвистически осмысленного объяснения тот факт, что ингерентная мягкость конечных согласных оказывается несовместимой с кратким вокализмом непрезентных форм, а корневой вокализм *a, e* — с твердостью непрезентных основ и т.п.

По-видимому, все же нецелесообразно отказываться от установления связей подобного рода. Включение в морфологическое описание соответствующих правил основано на широком толковании понятия „производной информации“, т.е. предполагает устранение из описания любой информации, выводимой из информации другого рода — независимо от того, можем ли мы как-либо объяснить ее производный характер. Практическая выгода такого толкования кажется несомненной. Тем не менее вопрос о его теоретической оправданности остается пока открытым.

Л и т е р а т у р а

- Ambrazas et al. 1974 — V. Ambrazas, N. Sližienė, A. Valeckienė. Keletas svarstytių lietuvių kalbos morfologijos klausimų. — „Baltistica“, 1974, t. X(2), c. 177—186.
- Булыгина 1970 — Булыгина Т. В. Морфологическая структура слова в современном литовском литературном языке (в его письменной форме). — В кн.: Морфологическая структура слова в и.-е. языках. М., с 7—70.
- Булыгина 1972 — Булыгина Т. В. Глубинно-фонологическое представление морфологической структуры и простота описания. — В кн.: Глубинные и поверхностные структуры в языке. Тезисы научной конференции. М.
- Darden 1970 — B. J. Darden. Accent in the Lithuanian Noun Declension. — In: Magner — Schmalstieg, 1970, c. 47—52.
- Girdenis—Žulys 1973 — A. Girdenis, V. Žulys (rec.). Lietuvių kalbos gramatika, I, II. — „Baltistica“, 1973, t. IX, c. 203—214.
- Girdenis—Žulys 1975 — Laiškas redakcijai. — „Baltistica“, 1975, t. XI(2) c. 229—230.
- Halle—Zeps 1966 — M. Halle, V. Zeps. Survey of Latvian Morphophonemics. — QPR, No 83, c. 105—113.
- Heeschen 1967 — C. Heeschen. Einführung in die Grundprobleme der generativen Phonologie. Bonn.
- Jakobson 1948 — R. Jakobson. Russian Conjugation. — „Word“, No 4, c. 155—167.
- Kenstowicz 1969 — M. Kenstowicz. Lithuanian Phonology.
- LKG 1965 — LTSR MA Lietuvių kalbos gramatika, I, V.
- LKG 1971 — LTSR MA Lietuvių kalbos gramatika, II, V.
- Magner—Schmalstieg 1970 — T. F. Magner and W. R. Schmalstieg (eds). Baltic Linguistics, University Park and London.
- Robinson 1970 — D. F. Robinson. Stress Placement and Accent Classes in the Lithuanian Noun. — In: Magner—Schmalstieg, 1970.
- Степанов 1972 — Степанов Ю. С. Ударение и метатония в литовском глаголе. — „Baltistica“, 1972, I priedas.
- Топоров 1966 — Топоров В. Н. Несколько замечаний о структуре флективной парадигмы литовского глагола в связи с проблемой порождения глагольных форм. — „Kalbotyra“, XIV.
- Worth 1973 — D. C. Worth. Морфонология славянского словообразования. — In: American Contributions to the VII Intern. Congr. of Slavists. The Hague.
- Zeps 1970 — V. Zeps. Base Shapes of Latvian Morphemes. — In: Magner—Schmalstieg, 1970.
- Žulys 1974a — V. Žulys. Trečiojo asmens nėra. — „Kalbotyra“, XXV(1).
- Žulys 1974b — V. Žulys. Bendrinės lietuvių kalbos veiksmoždių asmens galūnės. — „Kalbotyra“, XXVI(1).